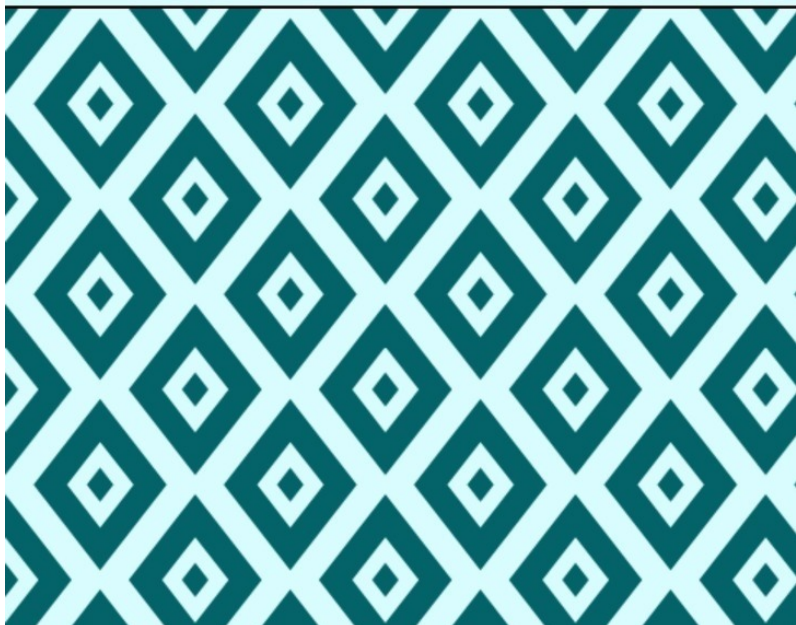

Геннадий Липкин-Дивинский

---

*РАННЕЕ.
КОЛЛАПСАР*

Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский

Раннее. Коллапсар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735985

ISBN 9785449314109

Аннотация

Автор – один из лучших поэтов современности, основоположник поэзии Третьего тысячелетия. Он гениальный мастер слова, каламбура, рифмы, аллитерации. Его творчество – это новое слово в русской и мировой литературе. Своими произведениями он выделяет, подчёркивает величие русского языка. В этой книге его ранние стихи.

Раннее. Коллапсар

Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский

© Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский, 2018

ISBN 978-5-4493-1410-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ГЕННА/ДИЙ ЛИПКИН- ДИВИНСКИЙ (ЛИ-ДИВ)
СТИХИ, БАСНИ, ПОЭМЫ, КАЛАМБУРЫ, ПУБ-
ЛИЦИСТИКА**

Р А НеНоЕ Е

В пригородном

Сквозь туман, года и мглу пригородный мчит.
Я сижу почти в углу. В животе урчит.
Уплетает бутерброд некто за спиной.
«Человечество-суть сброд!» – воеет дед дурной.
Он, пожалуй, целый час так уже трандит.
Старческий гнилой анфас, неопрятный вид.
Я к холодному стеклу головой приник.

Холодно же тут в углу. Входит проводник.

«Слушай, деда, не кричи! Высажу сейчас!»

Тепловоз взревел в ночи в неизвестность мчась.

Сотни радужных огней воссияли вдруг,

череды минувших дней обозначив круг.

Приближается вокзал; станция моя.

Мысленно себе сказал: «Вот и дома я!» ~74/75 и 94

Небо синее

Небо синее, чёрно-синее. Нет на нём ни единой звезды.

Солнце где-то на/д Абиссинией. Здесь же- тьма, степь
и вёрсты езды.

Поле белое, чёрно-белое. У дороги деревья стоят.

Молодые худые несмелые; коченея от холода, спят.

Утро позднее, утро зимнее. Неохотно забрезжил рассвет.

Облака проявились дымные. Это всё я не выдумал, нет.

Это всё я увидел воочью; и рассвет, и деревья, и снег;

между пасмурным утром и ночью сквозь автобуса медлен-
ный бег. ~75

Самолёты, как рыбины с львиными мордами,

утопают в снопах жёлто-рыжих лучей,

к небу выставив спины свинцовыми хордами,

безразличные к массе людских мелочей.

Мир для меня- ахроматичен. Смотрю сквозь серые глаза.
В стихах угрюм и неэтичен. Когда случайная слеза
тоскливо, нехотя и скупо ползёт по пористой щеке.
Всё пасмурно вокруг и глупо. И ручка чёрная в руке.
Когда же я в хорошем духе, то жизнь мне видится в цветах
и в тополином лёгком пухе с улыбкой детской на устах.
Сквозь ра/дужную оболочку на всех доверчиво гляжу.
Былой обиды не держу; и стих подобен ангелочку.

Принимает жизнь формы разные; дорогие нам и опасные.
То безформенно- безобразные, то терпимые, то прекрас-
ные.

И нельзя нам её перестраивать, отвергая плоды"неудач-
ные»

красотою себя лишь опаивать, мир шлифуя бумагой на-
ждачною.

Все полезно до маленькой малости; я к такому пришёл
убеждению.

Эти наши беспечные шалости приведут на земле к вырож-
дению.

Послесловие к легенде (в лицах)

Как странно ясен день апрельский! Окрест толпится, роп-
щет люд:

«Ужо тебе, Марк Корнуэльский- чванливый, стонущий

верблюды!»

Где твои радости и грёзы? В воде по пояс Горвенал
кромсает волны и сквозь слёзы рычит: «О, если бы я
знал!»

(люд) «Все ухищрения насмарку. Как бледен; дёргается
бровь»

«Не удалось безумцу Марку разрушить силой их любовь!»

(Марк) «Я был отважный смелый воин. Я славен был
и был богат;

всегда почётом удостоен. Но стал их прихотью рогат.

Я, после этого позора, Тристана проклял; не убив;

порок их тем усугубив... Негневного не вижу взора»

«Ты, пёс неверный; ты, дебил, дитя, что вымахал верзи-
лой;

любил ли ты с такую силой, как я обеих их любил!?»

(Горвенал) «Как всё бессмысленно и глупо! Как жалок
этот человек!»

На берегу два юных трупа. Два сердца, слившихся навек.
~76 и 96

Космопоэт

1

Не увижу больше никогда я родной Земли, родного края.
Захватила в плен меня звезда чёрная враждебная чужая.

В этом мире; как бы не пропасть. Мысли лихора/дит и спе-
кает.

Открывает ведьма пропасть-пасть и в меня кошмаром
проникает.

Взгляд замороженный- на экран, на её оскаленную морду.
Нет спасенья, на/до на таран; и пробить ей спину, череп,
хорду.

Боже мой, какая круговерть! Звездолёт трясёт, несёт,
швыряет.

Им уже никто не управляет. И его сейчас постигнет
смерть.

Но откуда выплыла Земля синяя, зелёная, земная,
маленькая, тёплая, смешная, кораблю спасение суля?
А вокруг неё бе/сился смерч, прыгали воинственные
кляксы,

щёки на/дувала гуттаперч, и мрачнели тучи цвета ваксы.
Космос необъятный и хмельной плёл клубок чудовищно-
го стресса,

словно издеваясь на/до мной, изучая ра/ди интереса.
Мне бы здесь сейчас другой клубок, смотанный рукою
Ариа/дны.

Но неотвратимо манит рок в лабиринты, будь они нела/
дны.

смуглый худенький подросток, смотрит в школьный телескоп.

Направляет на Гиа/ды. Уж не Альфа ли Тельца
и звёзд млечных мириа/ды смели погубить отца?

Телескоп в гиперболоид превратив, он часть Вселенной.
жжёт, как выцветший таблоид. Болью в чашечке коленной
отозвалось. Плачет мальчик; в этом мире- одиноко.

Где же дед его, Кармаль Чик- земледелец с Ориноко?

Об отце ему недавно мать, волнуясь, рассказала,
письма их читать не дав, но на скамейке у вокзала
говоря с ним откровенно, ртом вдыхая ингалятор.

А чуть позже внутривенно врач вводил ей стимулятор.

(пер. авг. 03)

Загрустившая, смиренная; каждым солнцем, в каждом
кратере

смотрит вечная Вселенная на мальчика глазами матери.

Чем отвлечь его; обновами, украшениями старыми;
может звёздами сверхновыми, может древними квазара-

ми,

да двойными переменными, да людьми разноплеменны-

ми,

чёрными, как пекло, дырами, Ми'рами, мира'ми, мирром

и... (не ок.)

Железный марш

Эту заповедь помни до гроба ты; люди- твари тупые и праздные!

Мы ж- логично-разумные роботы, ЭВМ человекообразные.

Наши ткани, покровы- искусственны. Так за/думали наши создатели.

Мы жестоки, коварны, безчувственны. Провокаторы мы и предатели.

Мы страшны своей сверхчеловечностью. Мы ужасны своей на/дприродностью.

Автоматы, крещённые Вечностью с технокастовой неоднородностью.

Глубже в космос, земли экзекуторы в Балтиморе, Шанхае и Выборге!

Марш, со спесью арийской компьютеры! В путь, золотоордынские киборги! перед.96

Лежу в темноте; то- ли сплю, то- ли нет. В зашторенной комнате тихо.

Лишь как-то пробился сквозь щелочку свет. И сердцем предчувствую лихо.

Застывшую душу прошибла слеза. Стал пульс неуверенно биться.

Глядь; некие образы на образа и ну по карнизам клубиться.

И вдруг родился из могильных огней, из красок на чьём-

то мольберте

табун ошалелых троянских коней, гонимых предвестницей смерти.

И словно бы жизнь перестала дышать. Мир сжался в предчувствии взрыва.

Не выдержал кто-то, рванулся бежать и... вниз головой с обрыва.

Проклятия кличу на берег чужой: «На кой нам троянские кони!»

Укутался простыню, как паранджой, к лицу прижимая ладони...

Очнулся дрожа, весь в холодном поту. Исчезли кошмарные тени.

Увидел весенней земли красоту и встал перед ней на колени.

И с радостью впитывал весь этот мир, его ароматы и краски... (не ок.)

В вагоне

Трясусь в вагоне после зноя дня. Сухая грудь с трудом скрывает жажду.

Усталость навалилась на меня. Закрыв глаза, мечтаю я и стражду.

Припав в горах к хрустальному ключу, до ломоты студёную пью воду.

Внимаю белых эльфов хороводу, и в вечер с нежно- снеж-
ными лечу.

Оранжевый взяв в руку апельсин, рукой другою кожуру
снимаю,

и получив по Скайпу appel* Син** жизнь с полнотою всею
понимаю.

Окрашенное небо в серый тон. Пью красоту раскрепощён-
ной позы.

Срываю на заре земли бутон. Как хороши, как свежи были
розы!

На лепестках упругих капельки росы. Как из девичьего
фонтана слёзы.

О сколько нежности и гордой в них красы! Как хороши,
как свежи были розы!

*Звонок (фран.) **здесь, имя. Син/шин- предпоследняя
буква в иврите. 75 и 97

Моллюск

Кто видал пучины океана? Кто когда мечтал их покорить?
Это будет поздно или рано. Но об этом рано говорить.
Только я, выдавший виды, старый, замкнутый в себе боль-
ной моллюск,

опускался в мрачные тартары и ослеп от этого, обрюзг.

Одинок было и тоскливо. Только временами я мечтал;
и, играя волнами прилива, щупальца спрут в косы запле-

тал.

Баловницы, ра/дужные рыбки, тормошили важную звезду,
вызывая тёплые улыбки, и скрывались в шельфовом са/ду.

Меж подводных лилий и актиний весело скакал морской конёк,
обгоняя блики пятен, линий; как в погожий солнечный денёк.

Но, однажды, жёлтую песчинку занесло в мой холостяцкий дом.

Спеленал её я, как личинку. И с тех пор мы стали жить вдвоём.

Время шло. Росла и хорошела, ра/дуя своей голубизной. Мирно спит. Уже почти созрела. Я же покрывался сединной.

Но кому растил я это чудо? Кто увидит необычный цвет?
И решил я плыть туда, откуда ниспа/дает в волны солнца свет.

И теперь жемчужина в короне, как девичий полный неги глаз.

Ну а я ведь ей не посторонний. Обо мне кто знает что из вас?

Но не будь я чуточку поэтом с безкорыстной детской душой.

Разве бы она лучилась светом; разве б увидела мир боль-

шой?

И почему я не художник, который к ра/дости других;
патлатый молодой безбожник; рисует девушек нагих,
цветы, соборы, рощи, парки, полей и неба семицвет,
и блики прошлого, и барки на горизонте, и рассвет,
что полыхая на/д волнами, в себя их черноту впитал,
и солнце раннее на/д нами, как остывающий металл.
Нов и талантлив он безспорно. Консерватизму вопреки,
рисует, пишет непокорно одним волнением руки.
Бурчу, срывая подорожник, в претензии на целый свет:
«Ну почему я не художник, а доморощенный поэт!?»

Пронзил моё сердце Амур любви золотою стрелой.
Я весел, я грустен, я хмур когда нет тебя и с тобой.
Порою не сплю по ночам и имя твоё на губах.
Не ра/д солнца первым лучам, прохла/де одетых рубах.
Обнять бы горячий твой стан, к устам твоим алым при-

пасть,

и вызвать безумную страсть, любя, как Изольду Тристан.
Я часто себе так велю, но всё не решаюсь никак
признаться тебе, что люблю. ~76—77

Я часто в эти дни вспылён. Хочу, но не могу и не решаюсь
поцеловать тебя. Лишь тем и утешаюсь, что, кажется, в те-
бя влюблён.

До свиданья, моя первая настоящая любовь.
я тебя уже, наверное, не увижу больше вновь.
Где-то за Кироваба/д увезут меня, и армия
будет хуже, чем дисбат. Стану драить пол в казарме я,
словно раб, пахать как вол, брань снося и произвол.
Только будешь ты мне помниться, только будешь ты мне
сниться,

моя милая бездомница, кареоякая жар-птица. ~78 и 96

А Р М Е Й С К О Е

Классно было на «гражданке» Вот такая карусель.

А теперь мотай портянки, кашу жри и пей кисель.

Всё зелёное; казармы, сосны, форма и трава.

И сержанты, как жандармы; клеят нам свои права.

Всюду новые порядки. Каждый день с шести утра,
начиная с физзарядки, начинается муштра.

«Вспышка слева» «Вспышка сза/ди» Каждый лезет по-
учить.

Ах вы, долбаные бляди, может хватит нас дрочить!?

А лишь только вечерет, мла/дший комсостав зверет;
делаем «Подъём-Отбой» Вскоре им на/доедает.

Свет в казарме вырубают. Спи, салага, чёрт с тобой! 78 Ба-
лашиха

Мы недавно расстались с пилотками. Чуть пораньше про-
стились мы с мамами.

Цедим зной обожжёнными глотками, прикрываясь
от солнца панاماми.

Вон из пекла казарм; а/дски душными казематы со стена-
ми голыми...

Хватит робкими быть и тщедушными! Породнимся с та-
таро- монголами!

Комары к ночи из чахлой зелени к нам в постели прут;
оборзели они.

Сплошь искусаны ими «годки» «молодые» и «старики»
Где-то рядом пасётся верблюдица со своими двумя вер-
блюжатами.

Я тяну в чайхане жар из блюдаца, дую на воду губами сжа-
тыми,

соревнуюсь с ребятами многими, казашатами сплошь бо-
соногими,

что степными несутся аулами, в спины ветром тугим под-
гоняемы,

пропылённые, с жёлтыми скулами. От свободы своей
невменяемы.

78 Шевченко и 96 Монреаль

Валентине Николаевне Пэнь, руководителю
джанкойского Пэн (ь) клуба, посвящаю

Спим на крыше; сони. Что ж, ребята, спите?
Здесь вам- не в Херсоне! Если ж кто и с Пите-
ра... К нам из Гаскони в дождевом озоне
воронные кони мчатся по промзоне.

Что их гонит вза_шей? Бешено- игрывы.
Знать аркан казаший в их вплетётся гривы.

Под палящим небом; пять минут на воле;
подойду к ним с хлебом, вывалянным в соли,
и со жменей гречки. Отведу их к речке.
Соскребу с них копоть. Буду гла/дить, хлопать...

Год ещё в вертепе. Да и нет тут речки.

Не сбежать во степи, кони- «человечки» ~78 и 94

Вокруг меня- почти враги. Кто; полулюди, полужвери?
Их осторожные шаги весь день слышны у моей двери.
Глаза их кровью налиты; внезапной з/лобою сверкают.
И полудикие черты происхожденье намекают.
За дверь почти не выхожу. И так все тело в их укусах.
Сейчас немного расскажу о слабовольных жалких трусах.
Идут они на поводу у крупных особей и сильных,
неся покорную узду на мордах выпачканных, мыльных.
А будет отдан им приказ, начнут они лягать, кусаться,
с бездумной з/лобою бросаться на вас, не ждавших их
«проказ»

А за окном бушует жизнь, кла/дя на холст галлоны крас-
ки...

В казарме мрачной- волчьей маски и быдла преющая
слизнь. 78—79

Три башни

В небо упираются три башни. Может, в них красавицы
живут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.